

А.А. Минаков

**«ОБРАЗ» РОССИИ ДЛЯ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА:
О ЗАБЫТОЙ КНИГЕ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И И.К. БАБСТА**

Само имя Константина Петровича Победоносцева (1827-1907) ныне является своего рода символом русского консерватизма дореволюционной поры¹. Однако его общественно-политические взгляды сложились далеко не сразу, они претерпели сложную эволюцию: от умеренно-либеральных до крайне консервативных. При этом взгляды

«раннего» Победоносцева, как правило, мало исследуются. Но без их изучения невозможно понять логику становления его зрелой консервативной программы. Между тем, имеется богатый источник, который мог бы способствовать более подробному освещению этой тематики.

Будучи наставником Николая Александровича – наследника престола, старшего сына Александра II, (умершего 12 апреля 1865 г. от почечной болезни) Победоносцев в соавторстве с экономистом и публицистом умеренно-либерального толка, близкого к славянофилам, Иваном Кондратьевичем Бабстом² (1824-1881), в 1864 г. написал книгу «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма». Подобные путешествия престолонаследников по стране в то время были обычной практикой русской монархии, таким образом будущие государи знакомились с состоянием дел, порой в самых мельчайших подробностях, в самых разнообразных сферах деятельности своих подданных. Предполагалось, что знание страны, вынесенное из путешествий, во многом должно было определить программу действий будущих русских самодержцев.

О цели путешествия авторы следующим образом говорят во вступлении к книге: «Сведения о народной промышленности и о хозяйстве местностей, по которым лежал путь Его Высочества, очерки быта народного и т. п. собраны нами и из собственных наблюдений и, в особенности, из указаний, рассказов и записок, которых было повсюду много: все, от кого можно было ожидать верных сведений, стремились удовлетворить желанию Государя Наследника – ознакомиться с нуждами и с внутреннею жизнью края, по которому совершалось Его путешествие»³.

Жизнь страны во время путешествия действительно была показана наследнику во всех основных её аспектах, и это видно уже на первых страницах произведения: «всё внимание высокого путешественника было обращено на тщательное ознакомление с искусственным водным путём»⁴ (каналом); в Шлиссельбурге «Цесаревич посетил тюрьму, крепость, арестантские и казематы, не занятые преступниками, и входил во все подробности, касающиеся до крепости»⁵; на реке Свири «дистанционные офицеры корпуса путей сообщения обращали внимание Цесаревича на пороги, объясняя ему работы, здесь произведённые и правила, которыми руководствуются для устранения опасностей»⁶. По прибытии в Петрозаводск наследник отправился осматривать Александровский пушечный завод, где ему объяснили «все подробности завода и все условия производства в Олонецком горном округе»⁷.

Авторы прогнозируют возможные перспективы развития отношений между заводчиками и крестьянами уже в пореформенной России: «выгоды заводов и крестьян были всегда между собой связаны, и связь эта может остаться и при переходе от прежнего обязательного положения к свободе»⁸. Он предлагает один из возможных путей организации крестьян, в частности мастеровых, в их свободном положении для промышленных работ на основе новых – рыночных, а не крепостных порядков: «Естественно, что лучшим средством привязать мастеровых к заводским работам, могут служить самые работы на заводах, постоянно правильно вознаграждаемый труд и заработки, достаточные для обеспечения безбедного существования мастеровых с их семьями в возрасте зрелом и под старость <...> освобождение мастеровых не только Олонецких, но и прочих горных заводов, от натуральной рекрутской повинности, а более искусных и заслуженных горнозаводских людей даже от денежной рекрутской повинности принесло бы большую пользу заводской промышленности»⁹.

Наследник Николай Александрович во время путешествия проявлял интерес не только к хозяйственной жизни народа, но и к его духовной культуре, в частности к фольклору. Так, певец Козьма Романов, взятый на пароход, «пропел <...> Цесаревичу былины про древних богатырей, про Добрыню Никитича и других героев древнего нашего эпоса, и Великий Князь <...> слушал его с большим вниманием и долго с ним беседовал»¹⁰, помимо этого в каждом населённом пункте, через которые лежал маршрут путешествия, наследник посещал или церкви и монастыри – в русских областях, или богослужение евангелического братства – в колонии Сарепте, или буддийский хурал – в калмыцких степях.

Авторы выявляют недостатки Мариинской водной системы – пути, по которому они следовали до Рыбинска. В то время она имела большое значение для внутренней и внешней торговли, и они пишут: «Мариинская система – это, по общему отзыву, главный в настоящее время путь, которым сплавляются грузы в северную столицу»¹¹, но «суда, идущие от Рыбинска с грузом, должны на мелях неминуемо останавливаться для разгрузки кладей <...> Караваны от этого задерживаются, и очень часто, почти даже каждый год, многочисленные грузы не доходят до Петербурга, а останавливаются зимовать на пути. Это умножает издержки провоза и ложится тяжело на цену товаров, а следовательно и на наш отпуск за границу»¹². Авторы представляют главные доводы Рыбинского купечества в пользу строительства железной дороги от Рыбинска до Бологова: «Дорога эта будет иметь возможность перевозить тяжёлые и дешёвые товары <...> и купцы

всегда будут иметь возможность отправлять его (товар) из Рыбинска, когда представится в том надобность, не затрачивая капитала своего на преждевременную перевозку, и не оставляя товар на зимовке выше Рыбинску без всякого хозяйственного присмотра за ним, как это бывает теперь при отправлении по нашим водным системам <...> эта железная дорога <...> может и должна развить не тронутую ещё доселе отрасль отпуска крупчатой нашей муки за границу»¹³. И далее авторы говорят о широких возможностях для создания железной дороги без помощи иностранцев, с которыми Россия в то время только пыталась конкурировать в промышленности и торговле: «Для постройки железных дорог, леса и камня в здешних местностях под руками довольно, работников много и цены за труд их ещё не высокие. А участие, в мирное время, войск в работах могло бы ещё значительно удешевить постройку. Тогда бы капиталы, заплаченные до сих пор иностранцам чистым золотом и серебром за чугун и железо, остались бы дома <...> От иностранных компаний нельзя ожидать сочувствия к сооружению необходимых в России путей; а потому и следует позаботиться о возведении и улучшении железных и механических заводов у себя дома, которые могли бы готовить свои рельсы, локомотивы, вагоны и железные мосты, и избавили бы нас от постоянной зависимости и кабалы»¹⁴. Как видно, от Мариинской системы в то время, без преувеличения зависело развитие экономики в довольно обширном регионе России.

Очень ярко характеризует развитие промышленности в описываемое время рассказ о фабрике Журавлёвых: «Канатная фабрика Журавлёвых не может не возбудить общей мысли о канатном деле в России и о судьбах его. Никакая страна в мире не производит пеньки такого превосходного качества, как Россия, и всеобщая потребность в канатах указывает на изделие, в котором наша промышленность могла бы выдержать конкуренцию с иностранными фабриками того же рода»¹⁵.

Победоносцев и Бабст говорят также и об отрицательных сторонах развивающегося в хозяйственном отношении Рыбинска: «Недостатки эти те же, от которых страдает не один Рыбинск, но и все города, вся Русь, можно сказать, все мы, – это отсутствие потребности в чистоте и опрятности, так резко кидающейся везде в глаза»¹⁶, «Странно также, что в Рыбинске, где стекаются такие массы рабочего народа, нет в достаточном количестве средств для призрения заболевших <...> а между тем и на это есть средства»¹⁷ (указывается капитал города равный 191 тысяче рублей а также 129 тысяч рублей – сборов с торгующих в Рыбинске иногородних)¹⁸.

Описывая «выставку изделий заводской, фабричной и крестьянской промышленности Ярославской губернии»¹⁹, авторы рассказывают об уменьшении торгового оборота местной продукции, и видят причину этому в неспособности крестьянского кустарного ручного способа производства конкурировать с машинным промышленным: «Торговля здешними полотнами постоянно падает; они вытесняются машинным производством, иностранными изделиями»²⁰. И далее они пишут о том, что было время, «когда мы почти исключительно одни снабжали Европу и Америку нашим холстом, но теперь машинное производство оттеснило нас совершенно на задний план»²¹.

Но в Ярославле была и достаточно перспективная мукомольная отрасль производства, представленная «паровой крупчатной мельницей Павла Крохоняткина с братьями»²², о которой Бабст и Победоносцев пишут: «Заведение это существует с 1848 года, и замечательно между прочим тем, что устроено русскими мастерами, что и машины и машинисты здесь русские»²³. Продукция Павла Крохоняткина продавалась в Ярославском, Рыбинском, Ростовском и Даниловском уездах, в Москве, Петербурге и Владимирской губернии²⁴, и успехи в экспорте этой продукции авторы увязывали с развитием сети железных дорог, говоря, что мукомольному производству «Бог даст, предстоит великая будущность, зависящая опять-таки главным образом от усовершенствования сообщений и проведения новых железных путей, по которым бы наши хлебные запасы уже не в зерне, а мукою отправлялись за границу, возвышая цену нашего отпуска»²⁵. Они также считали, что «Крупитчатая же мука из мытой и просушенной на солнце пшеницы превзойдёт своим качеством и лучшую американскую и муку английского размола, и мы будем в состоянии соперничать в этой торговле с Америкой»²⁶.

Нужно сказать, что строительству железнодорожной системы в стране Победоносцев и Бабст вообще отводили одну из главных ролей в развитии отечественной промышленности и её успешной конкуренции с иностранной: «Когда идёт вопрос о возможности соперничества нашей внутренней промышленности с иностранною, то постоянно следует брать в расчёт условия, в которых находятся и та и другая. Соперничать и состязаться могут только равные силы. Не равны они – и слабейший необходимо погибнет. Вопрос этот также важен и относительно постройки наших железных дорог, именно чтобы они постоянно имели в виду насущные потребности промышленности <...> Без неуклонного же стремления к проведению путей внутрь России и к облегчению всеми возможными средствами доставки и обращения

товаров внутри и к центру трудная и незавидная участь предстоит нашей промышленности»²⁷.

В производстве льна положение дел было на то время совсем противоположным: «Упадок нашей полотняной промышленности в Костромской, Ярославской и Владимирской губ. начался с 20-х годов»²⁸, «О внешнем сбыте, конечно, и думать нечего, и если бы не был обеспечен внутренний рынок, то неминуемо должны были бы пасть и наши новые льнопрядильные фабрики»²⁹. Среди причин этого явления авторы приводят главные на их взгляд – отсутствие оборудования³⁰ и недостаток в сырье – хорошем льне³¹.

О причинах отставания России вообще в промышленном плане, а не только в производстве льна они пишут: «Недостаток в хороших мастерах и управляющих – это главное зло нашей народной промышленности, а без собственных механических заводов, этой главной школы для мастеров, мы их не будем иметь»³². Так считали и члены Московского мануфактурного совета, говоря «о необходимости развития механических заводов в России»³³, прибавляя к этому ещё то, «что одним из самых верных и действительных средств будет наложение пошлины на иностранные машины»³⁴.

Среди увиденного в Ярославле значительное место в своём труде авторы уделяют Ярославскому училищу для девиц духовного звания. Назначение этого училища было: «воспитать для духовного сословия достойных жён и матерей и посредством их действовать на умственное и нравственное образование той среды, в которой они призваны жить»³⁵. «Сколько бы мы ни устраивали систем народного образования, ни одна не будет вполне народной и практической, если не будет рассчитана на деятельность сельского духовенства»³⁶. Очевидно, что Победоносцев и Бабст считали необходимым для организации образования участие в ней священства, как воспитателя моральных качеств, имеющих основополагающее значение в устройстве общественной жизни, и преподавание православного учения, как наиболее ясно отражающего эти качества и составлявшего на то время идеологический стержень для простого народа. Но состояние священства на тот момент не соответствовало той цели, которая была на него возложена: «Между тем таковы у нас до сих пор условия воспитания и целого быта сельских священников, что редким из них, даже при полном желании и способностях, удастся стать действительными учителями в среде народного населения»³⁷. Решение этого вопроса авторы видят в создании духовных училищ: «Для того чтобы наш сельский священник мог поддержать в себе горячность чувства и сознание долга для той деятельности, к которой он призван, необходимо по край-

ней мере, чтобы он в собственной семье своей, находил содействие этой возвышенной деятельности»³⁸, «Понятно, как облегчается эта деятельность, если в жене своей находит он добрую помощницу в домашнем хозяйстве, в воспитании детей, в поддержании нравственной связи с прихожанами»³⁹.

Победоносцев и Бабст описывают работу пореформенной административной системы: «4 июля, утром, Его Высочество посетил костромское губернское по крестьянским делам присутствие, и с интересом следил за всем заседанием <...> Слушались два дела по спору помещика с крестьянами о землях, купленных в прежнее время крестьянами на имя помещика»⁴⁰. Первое из них – спор о большом количестве десятин, присвоенных крестьянами на основании косвенных (непрямых) доказательств приобретения – не было разрешено: «Губернское присутствие не находило достаточно верных данных для точного решения и постановило обратиться к справкам с вотчинными книгами помещичьей конторы»⁴¹. Во втором деле такого же рода возник вопрос: «вправе ли крестьяне требовать от своего бывшего помещика вознаграждения за ценность земли, проданной им в пору крепостного права?», и опять – «Губернское присутствие не решилось само собою приступить к разрешению этого вопроса и ограничилось тем, что признало решительную силу сознания, сделанного помещиком, предоставить сущность дела на усмотрение министра»⁴². Такая же участь постигла и два других дела (по представлениям мировых посредников): «Один вопрос был о деньгах за проданные рекрутские квитанции, следующих в пользу малолетних наследников»⁴³, и что очень важно – «Вопрос этот состоял в связи с общим вопросом об опеке над малолетними в обществах крестьян, вышедших из крепостной зависимости, – вопросом, по которому вовсе нет правил в законах, а это, по отзыву всех членов губернского присутствия, служит причиной немаловажных затруднений, так как с уничтожением прежнего высшего опекунского надзора – в лице помещика, не оказывается другой власти, на которую этот надзор был бы возложен по закону»⁴⁴. И в последнем рассматривавшемся деле – «вопрос относился до дворовых людей, которые, в течение двухлетнего срока, назначенного Положением, не сели на землю, и остались без земли, в качестве бывших дворовых»⁴⁵. Неизвестно, какое впечатление осталось у наследника престола от того, что «Губернское присутствие признало выше своей власти разрешение обоих этих вопросов и сочло нужным дать им дальнейшее движение в законодательном порядке»⁴⁶, но факт неразрешённости четырёх дел из четырёх рассматривавшихся говорил явно не в пользу реформированной административной системы.

Интересен рассказ авторов о немецкой колонии евангелического братства – Сарепте. Её жители «освобождены от рекрутской, от постоянной, от квартирной, подводной и прочих повинностей, платят только поземельную подать <...> пользуются правом свободного винокурения и пивоварения и свободной продажи вина в пределах своего округа; по торговле и промыслам уволены от записки в гильдию <...> Они управляются сами собою без всякого вмешательства местных, губернских и уездных властей, состоя только в зависимости от министерства государственных имуществ <...> Для внутреннего судебного производства и для расправы по гражданским делам учреждено у них правление евангелического братского общества»⁴⁷. Но, приводя слова жителей колонии, Победоносцев и Бабст пишут: «Сарепта не могла бы поддержать свои промыслы и свою деятельность, если бы не поддерживала постоянной связи с Германией»⁴⁸. Назначение такого поселения немецкого евангелического братства было то же самое, что и у прочих религиозных конфессий – миссионерство: «Главным побуждением их при выборе приволжских степей для поселения была близость Калмыков, между которыми они задумали распространить христианство»⁴⁹, но с 1823 года братству было запрещено причислять калмыков к своей вере, и первые обращённые в христианство калмыцкие семьи были засчитаны как православные⁵⁰. В мнении многих о том, «что посреди русского населения и на русской земле существует островок немецких людей, которые, не имея органической связи с землёю и чуждые быту её, живут себе лишь на пользу, тяготея к чужой национальности и не разделяя с русским населением общих государственных и земских тягостей»⁵¹, авторам «представляется <...> увлечение и крайность национального чувства или отвлечённого рассуждения»⁵². И они утверждают: «Пускай Сарепта составляет аномалию: этой аномалии покуда есть ещё место в нашем обществе, которое терпит великое множество противоречивых явлений, если они не нарушают государственного единства и не враждебны ему»⁵³.

Победоносцев и Бабст рассказывают также о попытках приведения калмыков к осёдлости: «Калмыкам казённых улусов были отведены удобные для поселения места, выстроены дома, предоставлены льготы, розданы награды изъявившим желание поселиться. Но прошло более 10 лет, а поселенцы и не заходили в свои дома. Дома и землю отдавали в наём татарам, а на эти деньги и на казённое пособие увеличивали свои стада и жили по прежнему в кибитках; так что в 1859 году дома были от них отобраны и проданы с аукциона по распоряжению Палаты Госуд. Имуществ»⁵⁴.

По приезду в Астрахань великий князь, пишут авторы, «прибыл на пароход Астара и отправился для обозрения работ, имеющих в виду важнейшую, и в коммерческом и в государственном отношении цель – улучшить способы судоходства по мелеющим с каждым годом истодам Волги в море»⁵⁵, а так как в то время для торговли со странами Востока Каспийское море играло решающую роль, то Победоносцев и Бабст уделяют факту обмеления Волжского устья большое значение, как преграде к увеличению торгового оборота между Россией и её южными соседями, который в свою очередь играл существенную роль в русском экспорте и импорте: «Неудобство выхода в море – это бесспорно одно из важнейших препятствий к развитию судоходства и торговли при Астраханском порте, географическое положение которого даёт ему полное право на громадное меркантильное значение»⁵⁶. Но, несмотря на это состояние данных отраслей было незавидным: «Общий говор касательно торговли Астрахани тот, что она теперь в сильном упадке»⁵⁷, причину этого авторы видят в образовании новых торговых путей: «По крайней мере не подлежит сомнению, что развитие и расширение торговли по оренбургской линии имело вредное влияние на торговлю Астрахани, точно также как и открытие военно-грузинской дороги и умножение торговли в Тифлисе»⁵⁸. Однако они считают нецелесообразным оставлять этот в прошлом главный торговый пункт и уделять всё внимание новым: «Весь вопрос состоит теперь в том – выгоднее и удобнее ли для нас будет поддерживать Астрахань и содействовать ей всеми средствами. Сомнения тут кажется быть не может, ежели взять в расчёт её положение, удобный морской путь, водное сообщение с центром Империи и несравненно кратчайшее расстояние от Хивы»⁵⁹.

Рассказывая о Донском Казачьем Войске, по которому также проходил маршрут путешествия наследника, авторы в очередной раз затрагивают проблему земельной собственности, и считают её самой важной на Дону⁶⁰. «Огромное поземельное пространство, составляющее Землю Войска Донского (14 500 000 десятин) до сих пор почти исключительно считается войсковым фондом и распределяется между частными лицами во временное или зависимое владение <...> одни только помещики, получив от Войска поземельный надел на крестьян своих, поселённых на войсковой же земле в то время, когда о качестве владения и об определении вотчинных прав не было помину, – приобрели земли этого надела себе в полную собственность; да ещё крестьяне, когда выкупят свой надел у помещиков, должны, по силе закона, сделаться полными её собственниками»⁶¹. Победоносцев и Бабст говорят о тенденции приобретения земель в личную собствен-

ность, но не видят решения этой проблемы: «Вопрос о поземельном владении на Дону мог бы быть разрешён просто и удобно, если бы не был связан со многими другими важнейшими вопросами экономического и политического свойства, например с вопросом о запрещении иногородним приобретать имения на Дону, о праве вступления в казацье сословие и выхода из оно́го, об обязательности казацкой службы, о внутренней войсковой администрации и т. под.»⁶², но зато сообщает о том, «что ныне уже приступлено к пересмотру Войскового положения, для чего устроен был местный комитет на Дону»⁶³.

Так, хозяйственная и социальная жизнь страны, разных её национальных и религиозных составляющих, была продемонстрирована наследнику со всех её положительных и отрицательных сторон, ему были показаны наиболее острые проблемы пусть нескольких регионов и некоторых отраслей экономики и общественной жизни – но эти проблемы были характерны в то время для большей части губерний России.

Наставники не предлагали конкретной программы действий наследнику, однако очевидно, что сам характер и масштаб выявленных проблем не предполагали проведения радикальных реформ. Ясно, что речь могла в перспективе идти только о серии «малых дел», направленных на оперативное решение конкретных проблем местного характера, не затрагивающее ни правовых, ни экономических, ни духовных, ни цивилизационных основ Российской империи. Таким образом, в «Путешествии» нашла отражение эволюция взглядов Победоносцева от умеренного либерализма к консерватизму.

¹ О К. П. Победоносцеве см.: Глинский Б. Б. К. П. Победоносцев // Исторический Вестник. 1907. № 4; Рабкина Н. А. К. П. Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2; Майорова О. Е. Я живу постоянно в рамках (О культурно-психологической подпочве политической концепции К. П. Победоносцева) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997; Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев – политик и человек // Отечественная история. 1998. № 1; Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Грехнев М. В., Миркина М. А. О литературном творчестве К. П. Победоносцева // Нестор. 2000. № 1.

² Об И. К. Бабсте см.: История русской экономической мысли, т. 1, ч. 2, М., 1958; Карагаев Н. К. Экономические науки в Московском университете (1755-1955), М., 1956; Китаев В. А. Бабст И. К., Русские писатели 1800-1917, М., Советская энциклопедия. 1989.

³ Бабст И. К., Победоносцев К. П. // Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. 1864. М. С. IV.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 15.

- 9 Там же. С. 16.
- 10 Там же. С. 24.
- 11 Там же. С. 42.
- 12 Там же. С. 44.
- 13 Там же. С. 50-51.
- 14 Там же. С. 52-53.
- 15 Там же. С. 68-69.
- 16 Там же. С. 81.
- 17 Там же. С. 82.
- 18 Там же. С. 80.
- 19 Там же. С. 104.
- 20 Там же. С. 105.
- 21 Там же. С. 105.
- 22 Там же. С. 112.
- 23 Там же. С. 112.
- 24 Там же. С. 114.
- 25 Там же. С. 114.
- 26 Там же. С. 116.
- 27 Там же. С. 144.
- 28 Там же. С. 155.
- 29 Там же. С. 158.
- 30 Там же. С. 159.
- 31 Там же. С. 161.
- 32 Там же. С. 169.
- 33 Там же. С. 174.
- 34 Там же. С. 174.
- 35 Там же. С. 89.
- 36 Там же. С. 90.
- 37 Там же. С. 90.
- 38 Там же. С. 91.
- 39 Там же. С. 92.
- 40 Там же. С. 206.
- 41 Там же. С. 207.
- 42 Там же. С. 208.
- 43 Там же. С. 208.
- 44 Там же. С. 209.
- 45 Там же. С. 209.
- 46 Там же. С. 209.
- 47 Там же. С. 325.
- 48 Там же. С. 328.
- 49 Там же. С. 332.
- 50 Там же. С. 332.
- 51 Там же. С. 338.
- 52 Там же. С. 338.
- 53 Там же. С. 338.
- 54 Там же. С. 352-353.
- 55 Там же. С. 366.
- 56 Там же. С. 366.
- 57 Там же. С. 386.
- 58 Там же. С. 386.
- 59 Там же. С. 387.

- ⁶⁰ Там же. С. 530.
- ⁶¹ Там же. С. 530-531.
- ⁶² Там же. С. 531.
- ⁶³ Там же. С. 532.